

К столетию трагической гибели Царской семьи

Н.А. ПАВЛОВ

Его Величество Государь Николай II

*Последнее
Царствование
глазами
очевидца*

Николай Павлов

**Его Величество Государь
Николай II. Последнее
Царствование глазами очевидца**

Православное издательство "Сатись"

1927

Павлов Н. А.

Его Величество Государь Николай II. Последнее Царствование
глазами очевидца / Н. А. Павлов — Православное издательство
"Сатись", 1927

ISBN 978-5-7868-0032-7

Из тьмы настоящего и эпохи падения общества и народа Его образ будет все более и более возвышаться, становясь примером чести, воли, труда и тихой благости. Великомученический конец Его и семьи Его еще ярче, немеркнущим светом озарил память о Нем. История Государя учит нас уповать на молитву и в раскаянии объединяться для действия, памятуя, что призвание России – быть неразделимо единой.

ISBN 978-5-7868-0032-7

© Павлов Н. А., 1927
© Православное издательство
"Сатись", 1927

Содержание

I	6
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Павлов

Его Величество Государь Николай II.

Последнее Царствование глазами очевидца

© Издательство «Сатись», 2014

* * *

Н.А. Павлов – член Государственного Совета, один из разработчиков Столыпинской реформы. По долгу службы неоднократно встречался с Государем Николаем II. После октябрьского переворота 1917-го года эмигрировал.

*По благословению митрополита Уфимского и Стерлитамакского
НИКОНА*

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской
Православной Церкви*

I

Призывая помощь Бога, пытаюсь дать очерк царения Государя Николая Александровича. Задача эта трудна как по сложности происшедших за время Его царствования событий, так и по невозможности дать уже теперь исчерпывающую историю и характеристику этого Государя – столь малому числу лиц хорошо известного. Неразгаданным ушел Он из жизни, оставив по себе безукоризненную полосу воспоминаний; но из этих воспоминаний лишь исключительного дарования историк сумеет тоже безукоризненно очертить весь Его духовный и умственный облик.

Своим служением России, всей жизнью, нравственными и физическими страданиями – Государь искупил счастливое будущее любимого Им превыше всего Отечества. Я верю в это сильное и счастливое будущее. Оно наступит скоро, и наступит благодаря жертве Им принесенной; жертве своей драгоценной, царственной жизни. Всю красоту Его жизни, охранявшей единство нашей Родины, всю мировую важность этой жертвы – оценят всей силой духа лишь будущие, достойные России ее поколения. Оценят и народы мира, признав в Нем исключительного по благородству, истинного носителя Верховной власти и великого по гуманности человека.

Царствование Государя Николая II было переломом в существовании России в связи с мировыми событиями. Перелом этот, при настроении и деятельности окружавшего Его общества, был неизбежен. От этого определения, как вывода напечатанных мною за всю жизнь мыслей, я и буду отправляться. Было ожидание такого перелома, на котором должен был остановиться ход русской истории.

Нация имела в России все для счастливой и богатой, независимой и покойной существования. Достигнуть необходимых преобразований было легко, и Государь, доверяя народу и обществу, на путь их вступил.

Не умея ни оценить этого Государя, ни использовать опыт истории, ни содействовать Власти, ни ценить блага владеть такой страной – своею ленью, легкомыслием и ропотом глухого недовольства и бессмысленных исканий общества – современное поколение нации пришло к 1917 году...

Народы стали сами ответственны за судьбы своих стран, и вся вина происшедшего ложится всецело и безоговорочно на головы всей нации...

Русский Царь, выразитель эпохи... Он – светлое и живое олицетворение России... В лице Государей – всегда вся Россия. Потеряв Царя, замерла душа России, потерял себя народ. Суждено ли народу найти и восстановить ее силу без Царя?... Покажет история...

Ропот и глухой бунт с первого часа воцарения пали на Царя. Перелом с этого часа и совершался...

Уже многие не только высказались о Государе, но самоуверенно дали характеристику Его и Его предков. Характеристика у большинства – отрицательная. Начиная с европейски известного Витте и кончая мерзостью писаний разных Василевских, Извольских и злобно-лживых выпадов некоторых представителей высшего света – о Государе говорится или грубо дерзко, или сожалительно, как о ничтожестве... Хорошо зная Витте, я знал его ненависть к Государю и подчеркиваемое неискренне лукавое «обожание» к отцу Государя¹. Злобное определение Государя как «гвардейского полковника» и не больше доказывает, что этот бесспорно умнейший чиновник эпохи, по злобе своего мещанского духа, не мог и не умел понять провиден-

¹ Прочтя мое открытое письмо-обвинение в марте 1905 года в «Моск. Вед.», Витте был у меня, и в оправдание себя показал мне свою тайную записку, часть которой ныне опубликована его супругой. Ту же записку он показал Ф. Д. Самарину и в общей беседе «покаялся», что опубликовать ее не будет, сознавая неточности и преувеличения.

циального значения своего Монарха: его злоба выросла из-за невозможности сломить **волю** Государя и повернуть Россию на путь эволюционного перехода к республиканскому строю, во имя которого этот интеллигент и сотрудник международных кругов работал, подготавливая кабалу и падение России.

В одной из французских газет дал отзыв и другой министр – г. Коковцев. Насколько я помню, он говорил «благодарно» и «оправдывает» в чем-то Государя...

Есть хорошие, но больше злобных отзывов... Ложь беззастенчива даже теперь. Большинство злорадно пишет: Царь – с маленькой буквы; Николай Романов или просто Николай. Пишущие выказывают все прелести того светского и интеллигентского воспитания, которое властно вело все наши классы к красным бантам и знаменам на улицу и привело на тротуары европейских городов...

В большинстве воспоминаний жизнь Государя сводится к Распутину, как показанию какой-то Его «страшной» вины.

Перечислять таких авторов (и знатных, и демократических) и приводить их доводы просто стыдно. Пошлость и низменность таких писаний очевидна, и если я говорю о них, то только потому, что в них повторяется будто установленное мнение, что Государь был «безволен, двудушен, неумен»... а главное, что благодаря Ему были Распутины, Штурмеры и другие виновники каких-то народных бедствий...

Но причинная связь этих определений с прошлым очевидна. В течение всего Царствования **столичное общество**, начиная с некоторых лиц окружения Государя, изощряется в создании всяких легенд о Нем и Его семье.

Уже при отце Государя дерзость окружения в отзывах об Александре III была безграничная². При Государе Николае II недовольство «света», насмешки и пренебрежение к Нему растут с первого года воцарения. Ходынка... прием Тверцов, слова Его о бессмысленных мечтаниях... участие на балу в старинных одеждах – все высмеивается; малейшая неудача ставилась Ему в вину, и ежегодно все бестактнее и бессердечнее была критика и Государя, и Государыни; общество с самого верха выискивало предлоги для Их осмеяния.

Ведомо и другое: защиты от критики и наветов проявлено не было.

Притом, ни малейшего предлога даже для критики не существовало, пока введенный во дворец «старец» не явился этим предлогом. С той поры Царская семья стала мишенью определенной клеветы. С его появлением те же верхи – открыто, ни минуты не задумываясь о низости своего дела – злорадно **создают молву** о Царской семье; несколько ближайших к Престолу лиц «гордо» отойдут от Государя; и наконец, создав клевету, уснащая ее всякими небылицами, то же общество в 1916 году сделает, якобы для спасения Монархии, лицемерный жест: заманив в ловушку, прикончат темного старца, создав взрыв революции...

Восторженно встречаемый народом, вознесенный небывалым подъемом встречи во Франции, Государь постепенно развенчивается в глазах и народа, и иностранцев. Наши знат-

² Типичным показателем отношений «света» к Государю служит книга барона Н. Врангеля. Привожу выдержки: «...Я вращался в кругу знати, вершителей судеб и т. д.» Эпоху Государя Николая I он определяет: «...мишура, насилие, время розог, плетей, дикого произвола, беззаконий, казней, мишура могущества, перед которым трепещет Европа... все блеф, пuffed (стр. 5 и др.). Оплеухи в домах и на улице, драли везде»... Эпоха Александра II: описание, как себя нежит и холит аристократия. «При Александре III и его сыне ведется травля евреев. Положение невыносимо; они чуть не умирают с голоду» и т. д. При Александре III – «последние годы жизни – стоячее болото. У Александра не было ни сил, ни особого дарования». «Некоторые царедворцы зовут Александра III дворником, характеризуют по его седалищу... Скобелев презирает Александра. При Черевине и Дохтурове Скобелев говорит, что «Государь полетит, и скатертью дорога». Г. Врангель «сам видел как какая-то карета улепетывала в 1905 г., а мальчишки кричали – ату его, – в карете был Николай II». Манифест 1904 г. Врангель называет каталогом «Мюр и Мирилиза». Близкий придворный говорил Врангелю, что перевороты как корректив, неизбежны. Николай II – армией не командует. Наборами деревни опустошались. Поля невозделаны, массы рабочих без работы. Солдаты скверно кормятся, грязь, разруха во всем. «Самодержавие приказало долго жить. Умер от слабости, говорит народ. Покойника отпели» и т. д. и т. д. От автора: Таковы лишь некоторые перлы писания этого «аристократа», конногвардейца, банковского дельца... старца. За кого и от кого он говорит? И отчего люди его круга не опровергают таких клевет?..

ные путешественники и сановники как Витте или деятели как кн. Долгорукий и гр. Нессельроде (после Выборгского воззвания) вкупе с печатью и радикалами делают свое преступное дело опорочения авторитета Государя. Охрана достоинства Монарха за границей возложена на дипломатию и... полицию: первая, читая отзывы нелегальной прессы, малодушно отмалчивается, вторая – с Манусевичами и Азефами предает или бездействует. До войны – лишь народ никак и нигде не воспринимает клеветы общества на Государя. Зная это и пользуясь войною, все общество, с безответственными депутатами, напрягает главные усилия для опорочения Государя. Во время труднейших месяцев и Японской, и мировой войны Дума, опираясь на общество, безнаказанно клеветает... и молва хлынула в армию и в народ.

Самодержец России... безупречнейший человек и семьянин был в «чем-то» обвинен, и разнузданное общество осмелилось Его же судить! Этим ли актом совершался «перелом» жизни России? Если не этим, общество изыскало бы другой; Государь был обречен на осуждение и на смерть.

И вот теперь, спустя семь лет после измены всех, кроме души свою с Ним и за Него положивших, мы все еще слышим критику: «Безволен... слаб... был не на высоте... Распутин» – и прочее. Слов честного, открытого, коленопреклоненного покаяния перед памятью Государя-Великомученика – нет. А пора, если не устыдиться и не сознаться в бесчестии, то хотя бы молчать и не сметь ни на словах, ни письменно! касаться имени Того, чья кровь пала на все наши, Его подданных, головы...

Клевета... из многообразных свойств нашей нации одно из ярких: сплетня и клеветничество. Никогда не тронутый клеветой, пишущий эти строки чуть было не был затронут ее крылом... но у каждого из нас есть средства свести счеты с клеветником и встать за свое доброе имя...

У Монарха нет и этого права... и как мелка кажется любая наша обида, если сравнивать с той системой злостного навета, которая духом зла, как стена, выкладывалась русскими на Государя, стоявшего и как Монарх, и как человек недосягаемым образцом идеальной честности, храбрости, семейственности и нравственности.

Неуклонно, по заповедям Христа, жил этот тихо сияющий высокой человечностью Государь... а клевета-молва ползла, мучила и искала Его жизнь...

Не подобие разве великой истории преследования Христа... с конечным воплем толпы дать ей Варавву... по наущению книжников?.. И у нас книжники и «Вараввы» сменили Его. Клевета совершила свое подлое дело – свела в могилу лучшего русского человека, гордо и непобедимо несшего крест, меч и знамя России...

Не стало живого олицетворения могущественной России, не стало обруча, ее сковывавшего, и без Него – она рухнула.

II

Он умер, а клевета еще не умолкла.³ Перья пишут. Языки говорят. Изолгавшиеся люди ищут себе оправдания в Его винах...

Берусь ли я за защиту Его имени, деяний, чести? Нисколько. Я и не смею этим задаваться. Безукоризненную честь и правду не защищают; и та, и другая сами светят, и свет от Государя будет лишь разгораться. Перед Ним будут преклоняться, и сознание, что Он в недостижимой для нас светлой вечности – великое сознание...

Обязанность свидетелей эпохи правдиво установить обстоятельства, при которых Государь Николай II вступил на Престол и царствовал.

Условия эти были таковы, что, помимо своей воли, Он оказывался иногда бессильным использовать полноту своей власти и проявить ее, как бы того желал. «Бессильный, – спросят меня, – значит, безвольный?» – Нет, понятия эти совершенно разные.

Не будем утверждать, что Государь обладал непреклонной волей. Были случаи, когда Он мог – и не проявил ее. В ущерб или на пользу стране были эти случаи уклонения от воли – подлежит обсуждению. Но не эти случаи были роковыми для страны. На них, как и на некоторых ошибках в цепи событий, останавливаться нельзя...

Бесспорно одно: в главнейших вопросах судьбы страны Государь, во все время и до последнего часа, проявил громадное напряжение характера, выдержку и... волю не уступающего Царских прав и не поступающегося царской честью и достоинством своей Родины Государя.

Больше того – лишь Он, Русский Царь, остался до последней минуты один непоколебимо верным присяге России и за Нее – безропотно – не склонил, а сложил голову.

Докажем, что и последнее обвинение, что Он отрекся по безволию – в корне лживо...

* * *

Государь вступил на престол при кажущемся благополучии в стране. За тринадцать лет до того престол этот был в крови Его великодушнейшего деда. Это неслыханное по цинизму убийство висело гнетом, а покушение в Борках доказывало, что поход на Монархию продолжается. Личность гиганта духа Александра III грозила подняться во весь рост Самодержавия при малейшей попытке общества стать на пути Его воли. Он сам держал в повиновении не только страну, но Его воля лежала неподъемным грузом какой бы ни было агрессивной политики как общества, так и некоторых из века злых против нас стран Запада. Но Государь в краткое царствование не успел противопоставить чего-либо реальному начавшемуся расстройству экономического порядка в стране, кроме Его величайшего творения – проведения Сибирского пути, значения которого никто и по сей день не оценил, не поняв громадности замысла хода на Восток, где будет решаться все будущее России. Не поняли и того, что этот путь уже спас наш Восток от Англии, опоздавшей кинуть на него Японию.

Меньшего значения были внутренние реформы – водворения порядка на местах с руководством департаментом из Петербурга. Вместо широкого самоуправления и органической системы децентрализации и установления действительной власти на местах законодатель ограничился «опытом» введения земских начальников, причем предводителям дворянства, пред-

³ Системой многолетнего навета во мнении обществ Запада создано ложное суждение о Государе, и оно, быть может, более всего тяжко: вымирающее русское общество обязано сделать все, чтобы разуверить обманутых русскими клеветниками европейцев.

сидателям ряда учреждений не было дано ни власти, ни прав, **ни ответственности**.⁴ В уезде так и не создалось руководящего и объединяющего все части управления и хозяйства органа местной власти.

Власть появилась не в уездах, а в участках. Мысль Государя была сначала отлично воспринята населением, но, не имея ни местного руководства, ни конечной связуемой со строем и земством системы, ни цели, корней не дала. Через головы всех учреждений вожжи управления были в руках департаментского чина, и склонявшиеся перед таковым губернаторы считались с номером «входящего» приказа из Петербурга, а не с земской и сельской жизнью. При этих условиях лучшие и независимые местные люди служить не могли, и состав оставлял желать лучшего. История «входящих» бумаг из министерства и пресловутого Земского Отдела – трагикомична. История эта, ломавшая иногда весь быт и жизнь народа, **не могла** быть известна Монарху, и причин неудачи реформы Он не знал...

Но, кроме того, даже против этой единственной местной власти, в эпоху бесконечных комиссий Коханова и Пазухина, ополчился либеральный клан бюрократии, и урезаемая реформа так и осталась не законченной до 1905 года, когда при Думе и свободе печати о «власти» никто уже не смел заикнуться. Нечего говорить, что общество и печать ненавидели и высмеивали даже эту попытку устроения порядка. Ничтожная же оплата огромного труда земских начальников не могла привлечь настоящих сил. Таким образом, реформа Государя не получила завершения, и армия поставленных в деревню чиновников осталась армией с генералами и штабами, но без строевых командиров. Удовлетворительно справляясь с задачей – как делать, армия эта не знала – что делать...

Второй важной реформой Государя Александра III – был крестьянский банк. Но министерство финансов до 1897 года медлило развить его деятельность, а с падением денежных средств деревни (цены на хлеб 18–25 коп. пуд) население не могло развить свободной покупки земель.

Экономическое положение страны за период царствования обоих Государей сливается, примерно до 1900 года. С 1880 года сельское хозяйство переживает резкий кризис, цены на продукты непомерно низки, покупательная способность населения слаба, и при этих условиях два тяжелых неурожайных года ослабили силы населения. В тот же период шла политика экспериментов гг. Бунге, Вышнеградского и Витте: страна втягивалась в международный торговый и золотой оборот. Мы начинаем делать долги, и на страну возлагаются все обязанности капиталистического хозяйства по западному образцу.

Здесь нет места объяснять, как самобытный по духу Государь Александр III был вовлечен министрами и дипломатией в безвыходный круг международных обязательств и некоторых форм политики и хозяйства, и разгадка уступчивости этого Государя – нелегка. Бросив Западу свой исторический тост «за единого друга – Черногорию», Государь выказал свое недоверие миру... но мир был сильнее Его: к нам с Запада поступила бюрократическая система управления и хозяйства, на которую даже такой Государь, как Александр III, вынужден был опираться.

В то же время и в полное противоположение развитию капиталистического хозяйства тот же Государь дает закон **14-го декабря 1893 года**⁵ о неотчуждаемости крестьянского надела. Этим законом крестьяне почти навсегда закрепощались к земле.

⁴ В апреле 1904 г. Плеве передал мне Высочайшее повеление спешно представить законопроект местной реформы: губернские и уездные советы, уездный начальник, приход, губернские и областные Думы. Комиссия созывалась на сентябрь... Плеве был убит. Кн. Мирский и Бульгин считали местную реформу при Думе – ненужной.

⁵ В 1894 г., по докладу Н. Павлова, Саратовское дворянство дерзает представить доводы против этого закона и необходимость упразднить общину. Резкие доводы докладчика против общины о «неминуемой революции, черном переделе и проч., если Власть не решится на ряд реформ и действий» вызвали протесты губернатора и письма министра – о темах, «волнующих умы». По докладу Н. Павлова Саратовскому дворянству в 1897 г. возбуждены ходатайства. Государю благоугодно было одобрить идеи. Полугодовая поездка Н. Павлова с 58 выборными ходоками 7000 верст в степях дали материал А. Н. Куломзину и законопроекты печатались. В основу всех реформ ставится единоличная собственность, кредиты крестьянам, поселки и т.

Ни продать, ни купить земли, ни пользоваться где-либо кредитом с этой поры крестьяне не могли. Останавливалось всякое внутреннее и внешнее сельское передвижение, расселение, переселение, выход из общины и т. п.

Даже Государь Александр II и его комитеты не могли бы допустить мысли, что крестьяне, покрывшие выкупной долг, могут быть когда-либо ограничены в праве собственности...

Невероятное совершилось, и даже в 1907 году (реформа Столыпина) этот закон не был отменен.

Вся история этого закона и его последствий многократно изложена мною в печати с 1894 года, и я привожу лишь самый факт укрепления общины за счет всякой экономической свободы крестьян и за счет успехов сельского хозяйства. Излюбленная и взлелеянная сановниками (во имя нужды в рабочих руках помещиков-сановников и лени бюрократии провести кадастр), а также славянофилами и рядом с ними Герценами, Бакунинами и Чаадаевыми, и **сочиненная** в 1836 году для **России** немцем Гакстгаузенем, **община** – этот явный признак строя социализма актом 1893 года получил вящее и беспредельное закрепление, превосходящее даже начало коммунистическое, дающее некоторые права выхода из коммуны...

К радости Герценов, Винаверов, Савиных и Ленина Монархия ужилась с подлинным сельским социализмом; **капиталистическое хозяйство строилось при коммуне-общине** – и в этом трагическом сочетании и глухой борьбе двух противоположных начал кто-нибудь должен был уступить.⁶

Консервативнейший Государь **безотчетно** встал на опасный путь. Одной рукой он дал Витте вводить капитализм, другой думал укрепить против него заставу земельного тягла и общины, веря, что народ-общинник останется русским и не наденет маски интернационала.

Государь Александр III **жалел народ**, боясь его обезземелья, боясь сферы кредита и веря в самобытную крепость духа народа. Мы знаем, что он колебался... но благодаря влиянию на него министров – Толстого и Победоносцева – и всей бюрократии Он перед своим концом бросил закон 1893 года как якорь для народа, но этим остановил движение и работу крестьян. Очаги немца Гакстгаузена тлели. На общину, как на спину тарантула, насадится интеллигенция и зальет Россию ядом социализма в 1917 году. Та же община – клетка и аппарат, который даст возможность большевикам держать народ годами в трепете и нужде.

* * *

Покорный мысли, воле и заветам отца, начал царить Государь Николай II. Экономическое положение было сложно и неблагоприятно. Сельское хозяйство не могло не падать: налицо была община – воспитательница лени (и народа, и правящего класса); что могло быть легче для фиска и для управления, чем распоряжение кучами Иванов Непомнящих!

п...В 1902 году все печатные доклады комиссии сданы в архив. Комиссии закрыты...

⁶ С. Ю. Витте – крупнейший по уму чиновник эпохи, но он обезличен чьей-то влияющей на него властью, и он против воли ведет страну культурными путями к хаосу. Очевидно, он знает «нелепость» забвения сельского хозяйства и развития промышленности, – при падении народного достатка. Он знал необходимость свалить общину, знал, как помочь сельскому хозяйству, необходимость переселения, расселения. Знал – и всему этому до конца противился. В мемуарах я записал целый ряд бесед с ним; знал его сотрудников и знакомых; и некоторые его планы. Он ненавидел Столыпина за его политику, ненавидел больше, чем Плеве, хотя П. А. никогда его не затрагивал... На все пожелания Государя (эпоха отмены круговой поруки и прощений долга по выкупным) помочь деревне Витте отвечал отсутствием средств... О том, кому он подчинялся, сказано будет в другом месте... Надо удивляться, сколько в его посмертно изданных книгах сказано ненужного, мелочного и неправдивого – недостойного его ума, опыта и знаний. Будь он жив, он никогда бы такого труда не выпустил. Надо надеяться, что его книга послужит материалом историку только в своей деловой части, а остальное, как ненужное и злостное, канет в вечность без чьего-либо внимания и уважения...

Витте, поднимая на дыбы промышленность при общине и слабеющем сельском хозяйстве и начиная **занимать** золото, сознательно не открывает глаза обоим Государям. Неопытный в первые годы Государь был всецело в руках старых министров.

Но кризис сельского хозяйства не мог уже быть замолчан. Дутые успехи показательной для Запада политики Витте не скрывают кризисов и падения сельского хозяйства. Настало время, когда вся система государственного хозяйства требовала пересмотра.

«Неисчерпаемые» наши богатства не слишком привлекают иностранный капитал, и с 1900 года приток его ослабевает. Повторяется слово «урожай», и **на нем** начинают строиться вся наша экспортная политика и бюджет. Открыв все денежные краны казны промышленности и торговле (городам), Витте **не дает ни копейки – земле**, и от нее ждет средств.

По почину Государя, в 1901-м году созывается Особое Совецание Сельскохозяйственной Промышленности.⁷ Витте организует его добросовестно, но ставка его на либерализм провинции срывается; до 600 комитетов говорят одно дело (о «конституции» проговорились всего 8 комитетов). Комитеты консервативны; просят уничтожения общины, перехода к единоличному владению, кредита, расселения, переселения и проч. На величайший акт Государя – призыв местных людей – сельская Россия дает решающий и продуманный ответ. Началась сводка капитального труда. Особое совещание работает в комиссиях и подходит к выводам...

Государю была необходима такая помощь, Он ждет ее с мест, проявляя громадный интерес. Как в освободительную реформу Александра II, как в эпоху местной реформы при Александре III, так и в эту эпоху Петербург – его общество и бюрократия – вмешивается двумя течениями. Одни находят ответы комитетов слишком консервативными, другие – либеральными. Чиновный Петербург возмущается – как смеет провинция указывать! Начинается ведомственная, подпольная борьба и интрига. Плеве подозревает Витте. Витте его ненавидит. Два клана борются два года, и течение, якобы консервативное, берет верх. Плеве **испрашивает повеление остановить работы Совецания – и на них ставится крест**. Труды Комитетов сданы в архив.

Государю неоткуда знать правды, т. к. сводка трудов – **не готова**, а самый процесс Совецания Ему представлен как опасный шаг со стороны Витте...

Исторический и важнейший акт Государя – созыв Комитетов – сорван! О нем нарочно забудут до 1917 года и будут делать вид забвения до сих пор.

Полно или не полно созванная, но страна, в числе до 50 тысяч местных людей и крестьян, ответила Государю, показав свой разум и верность. Община была накануне конца, а бюрократия и общество ее опять отстояли – для 1905 и для 1917 года...

Злорадно смеялся Витте и его светские друзья, радовались немцы...

Этого мало: на волю Государя был сделан поход, и кампания оппортунистов-чиновников, поныне здравствующих, побудила Плеве испросить **Манифест 26-го февраля 1904 года**, которым община и неотчуждаемость надела и затруднение выхода из общины и переселения – подтверждались и закреплялись... Это был удар ведомственный **по Витте**, отразившийся на работе всей местной России, ничего с Витте общего не имевшей...

И лишь в 1907 году первый после Александра I Государь решается сломить общину и дает свободу действия Столыпину. Община надломана, но не сломана. Закон о собственности еще не проведен, но вводится единоличное хозяйство.

На этот закон общество отвечает так: все радикальное общество, бывшее в 80-х годах за индивидуальное право, становится **против** Столыпина. Враги России поняли, **что община –**

⁷ Пишущий эти строки жил 35 лет в деревне, был предвод. двор., участником земства 22 г., почетным судьей 18 лет, выборщиком в Гос. Совете от дворянства 11 лет. В 1901 году состоял членом двух уездных комитетов и Саратовского губернского и вызван был Витте для участия в Особом Совецании и трех комиссиях. Комиссии финансовая и по реформе крестьянского банка (по моему докладу), заканчивая 6-месячную работу, были закрыты управ. земск. отделом Гурко, по распоряжению Плеве, согласно Высочайшему повелению. Почти все доклады и журналы вывезены мною из России.

основной успех и ключ революции. Поняли и зарубежные враги, что при объявлении всей земли личной собственностью ее пользователей – народ в десять лет окрепнет, будет непобедим. Начался второй поход, и Столыпина убили.

Его последователи не имели ни энергии, ни разума быстро и энергично закончить эту главную реформу Государя, подымавшую все силы народа и хозяйства и страховавшую от всяких революций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.